

Семантика и морфосинтаксис глагольно-каритивных конструкций в типологической перспективе

Н. А. Муравьев

Университет Гамбурга (Гамбург, Германия); nikita.muraviev@gmail.com;
ORCID: 0000-0001-9586-5928

Н. О. Гордеев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); permanentdaylight@mail.ru; ORCID: 0009-0002-3811-1163

М. С. Кукушкина

Университет Потсдама (Потсдам, Германия); erinqua.hecil@gmail.com; ORCID:
0009-0007-6000-0212

Аннотация. В статье на материале шести языков: русского, французского, испанского, английского, норвежского и хантыйского — рассмотрены каритивные конструкции в типологической перспективе. Исследование сочетает подходы Грамматики конструкций (CxG) и Московской лексико-типологической группы, источник данных — опрос носителей. Выделяется три семантических домена: утраты / необладания, уступки и избегания. Переходные конструкции акцентируют внимание на участии агенса, а в фокусе непереходных — отношение обладания между двумя участниками. К основным лексическим источникам конструкций относятся глаголы позиции, движения и упорядочивания.

Ключевые слова: Грамматика конструкций, лексическая семантика, каритив, глагольно-каритивные конструкции, полисемия, фреймы, грамматикализация, переходность.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта «Типологический конструктикон» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2022–2023 г. Авторы признательны Е. В. Рахилиной, А. Б. Летучему, В. В. Жуковой, Д. Д. Мордашовой, Т. В. Сибиной, А. Ф. К. Рохасу, М. С. Суворовой, Е. М. Синевой и В. В. Молчанову

за обсуждение материала, а также анонимному рецензенту за ценные замечания, позволившие улучшить качество статьи. Авторы также благодарят носителей исследуемых языков, согласившихся заполнить анкету-опросник.

Semantics and morphosyntax of verbal caritive constructions in typological perspective

Nikita A. Muravyev

University of Hamburg (Hamburg, Germany); nikita.muraviev@gmail.com;
ORCID: 0000-0001-9586-5928

Nikita O. Gordeev

HSE University (Moscow, Russia); permanentdaylight@mail.ru; ORCID: 0009-0002-3811-1163

Maria S. Kukushkina

University of Potsdam (Potsdam, Germany); erinqua.hecil@gmail.com; ORCID: 0009-0007-6000-0212

Abstract. This study presents a typological comparison of verbal caritive constructions in Russian, English, French, Norwegian, Spanish and Khanty based on elicited data from native speakers. By caritive we understand a lexico-grammatical category denoting the absence of an expected participant, the absentee, in the situation. Caritive nominal marking combines with a verbal component to form new constructions belonging to three semantic domains: loss and non-possession, concession and avoidance. The domain of loss and non-possession contains contexts in which the agent loses the absentee or discovers the absence of the absentee ('lose, end up without, be without'). A concession is a situation in which participant X performs an action in the absence of the normal or expected participant Y ('do without, get by without'). Constructions in the avoidance domain express the absence of a participant undesirable for the situation, an obstacle ('avoid'). In accordance with the CxG framework, we consider primarily non-compositional constructions in which some aspects of their form or meaning are not predictable based on their components. We also compare them with synonymous simple transitive constructions. The main attention is paid to the formal make-up of constructions, their morphosyntactic properties, lexical sources, constant and variable aspects of meaning, and models of polysemy. The comparative analysis reveals that transitive constructions emphasize the participation of the agent,

while intransitive ones highlight the possessive relationship between the subject and the absentee. Verbal caritive constructions exhibit various degrees of polysemy ranging from highly polysemic constructions covering the majority of functions in the domain to specialized ones expressing only one function. Major lexical sources of verbal caritive constructions are motion verbs (concession, avoidance), posture verbs (loss), verbs of ordering (concession) and modal verbs (concession).

Keywords: Construction grammar, lexical semantics, caritive, verbal caritive constructions, polysemy, frames, grammaticalization, transitivity.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the project “Typological Constructicon” supported by the Humanitarian Research Fund of FGN NIU Higher School of Economics in 2022-2023. The authors are grateful to E. V. Rakhilina, A. B. Letuchy, V. V. Zhukova, D. D. Mordashova, T. V. Simonova, A. F. K. Rojas, M. S. Suvorova, E. M. Sineva, and V. V. Molchanov for discussion of the material, and to an anonymous reviewer for valuable comments that improved the quality of the article. The authors also thank the native speakers of the languages under study who agreed to fill in the questionnaire.

1. Введение

Грамматика конструкций представляет собой стремительно набирающее популярность функциональное направление лингвистики и одновременно семейство теоретических функционально-ориентированных моделей языка. Конструкционный подход позволяет фиксировать, описывать и типологизировать языковые единицы между словоформой и простым предложением, которые не попадают в поле зрения традиционных исследований по грамматике и лексике. К таким единицам, в частности, относятся глагольно-каритивные конструкции, которым посвящена данная статья. На материале шести языков: русского, английского, норвежского, французского, испанского и хантыйского — рассматриваются семантическое разнообразие, особенности кодирования участников и лексические источники конструкций. Основное внимание уделено тому, как конструкции

со значением утраты / необладания, уступки и избегания складываются семантически и морфосинтаксически из каритивно маркированных именных групп ('без X') и полностью либо частично десемантизированных глагольных лексем, относящихся к различным семантическим классам, таким как глаголы позиции, изменения позиции, движения, упорядочивания, часть которых используется в маркированной залоговой форме. В частности, показывается, что грамматикализация глагольной лексемы с развитием у нее аспектуальных функций в сочетании с каритивной ИГ ведет к образованию составной единицы с собственным, не выводимым напрямую из отдельных компонентов, набором значений, двухместной непереходной валентностной рамкой и фокусом на посессивные отношения между двумя участниками в сравнении с синонимичными переходными конструкциями, выделяющими динамические аспекты ситуации.

2. Грамматика конструкций и каритивы

Основополагающей для теории Грамматики конструкций (*CxG*) считается статья [Fillmore et al. 1988], в которой была поставлена под сомнение автономность различных модулей языка — синтаксиса, лексики, семантики, прагматики, — а также возможность их независимого изучения; в качестве альтернативы была предложена новая языковая единица — конструкция, — объединяющая элементы перечисленных ветвей. Конструкции могут принадлежать к различным языковым уровням и объединяться в более крупные конструкции, однако при этом конструкция всегда в той или иной мере идиоматична, ее значение не может быть однозначно выведено из значений ее составляющих.

Существенный вклад в обобщение и развитие идей Ч. Филлмора внесла А. Голдберг. В своей монографии [Goldberg 1995: 4] она предложила одно из наиболее распространенных определений конструкции — языковое выражение, «в котором какой-либо аспект плана выражения или плана содержания не может быть точно

предсказан, исходя из компонентов конструкции или иных ранее установленных конструкций»; согласно данному определению ключевым критерием для выявления конструкций является невыводимость (*unpredictability*), ср. упомянутая выше идиоматичность или некомпозициональность.

Помимо этого, Голдберг развила идею Филлмора о наличии у конструкции собственного значения, введя понятие коэрсии (англ. *coercion*), то есть своеобразного подстраивания конструкцией входящих в нее элементов в формальном и/или семантическом отношении, ср. приводимое Голдберг словосочетание *to sneeze the napkin off the table* ‘чихая, сбросить (букв. счихнуть) салфетку со стола’, в котором глагол *to sneeze* ‘чихать’ приобретает несвойственный ему смысл каузации движения.

В этой же работе Голдберг обращает внимание на то, что подход *CxG* хорошо подходит для анализа случаев, когда неприемлемость грамматически верных предложений обуславливается их лексическим наполнением. В частности, обсуждая конструкции каузации движения, она приводит следующую пару примеров: *Sam carefully broke the eggs into the bowl*. ‘Сэм аккуратно разбил яйца в миску’ и **Sam unintentionally broke the eggs onto the floor*. ‘Сэм случайно разбил яйца на пол’. В рамках *CxG* неприемлемость второго примера объясняется семантикой конструкции, предполагающей целенаправленное разрушение, что делает неуместным наречие *unintentionally* ‘случайно’ и целевую поверхность *floor* ‘пол’.

Важной вехой в развитии теории *CxG* стало оснащение ее статистическими методами исследования, примером которых служит разработанный С. Грисом и А. Стефановичем коллострукционный анализ [Stefanowitsch, Gries 2003, 2005; Gries, Stefanowitsch 2004a, b]. Предлагаемый ими подход избегает ряда недостатков, свойственных корпусным исследованиям на основе прямого сопоставления единиц по частотности. Коллострукционный анализ использует точный критерий Фишера, позволяющий отследить статистически значимые отклонения данных по одной языковой единице от среднего значения для всех единиц того же типа. Применительно к лексическим сочетаниям коллострукционный анализ позволяет обнаружить

обусловленное семантическими факторами «тяготение» лексем друг к другу в рамках конструкций.

Не менее ценный вклад в развитие *SxG* внес У. Крофт, нашедший в Грамматике конструкций подходящий способ для преодоления «методологического оппортунизма», который, по его мнению, свойственен существующим синтаксическим теориям. В качестве альтернативы У. Крофт предлагает метод Радикальной конструкционной грамматики (*RCG*), описанный им в монографии [Croft 2001]. Крофт также постулирует конструкцию в качестве основной единицы языка; при этом в его модели каждая конструкция лингво-специфична, а синтаксические роли элементов в свою очередь конструкционно-специфичны, так как невозможно говорить о наличии какого-либо ограниченного набора универсальных синтаксических ролей. Согласно Крофту, выполняемая конструкцией функция предполагает определенный способ кодирования в языке, тем самым характеризуя и ограничивая внутри- и межъязыковое разнообразие форм конструкций. Подобного рода паттерны варьирования конструкций обуславливаются предполагаемым универсальным концептуальным пространством, присутствующим в человеческом сознании. Что немаловажно, *RCG* стала первой обстоятельной и достаточно удачной попыткой открыть для Грамматики конструкций перспективу типологических исследований.

Сформированное в рамках *SxG* понятие конструкции нашло свое применение в диахронических исследованиях процессов грамматикализации и «конструкционализации», в результате чего к настоящему времени стало возможно говорить об оформлении Диахронической конструкционной грамматики в качестве отдельной и независимой сферы исследования.

Теория *SxG* получила распространение и в российской лингвистике, в частности в обобщающем труде [Рахилина (ред.) 2010]. Помимо цельного и доступного обзора ключевых зарубежных и отечественных работ, посвященных тематике *SxG*, в книге затрагивается ряд проблем — в частности, даются конструкционные описания нескольких нестандартных языковых единиц, описываются некоторые семьи конструкций русского языка, поднимаются вопросы

анализа аргументной структуры и пути изменения и формирования конструкций.

Интенсивное развитие и распространение теории *SxG* впоследствии послужило толчком к разработке разнообразных ресурсов по конструкциям; инициатором в данном случае вновь выступил Ч. Филлмор, предложивший идею создания конструктикона английского языка. Конструктикон представляет собой некий «словарь» конструкций — это структурированная база данных, в которой перечисляются и с различных точек зрения (семантических, формальных, стилевых и т. д.) характеризуются конструкции того или иного языка. Идея Филлмора получила широкий отклик, благодаря чему появились проекты по созданию конструктиконов других языков, в частности шведского, немецкого, португальского, японского и русского.

Следуя вышеизложенным положениям теории *SxG*, мы планируем рассмотреть семьи глагольно-каритивных конструкций ряда языков: русского, английского, французского, испанского, норвежского, а также хантыйского. Каритив, или «лишительность», в узком смысле понимается как грамматическая категория, выражающая «отсутствие в ситуации второстепенного агенса или объекта обладания главного участника». Каритив находится в семантической оппозиции к комитативу (категории «сопутствования»), что позволяет некоторым исследователям определять каритив как отрицание сопровождения. Помимо этого, стоит отметить, что собственно термин «каритив» не является общепринятым и используется наряду с, например, привативом и абессивом — данное обстоятельство представляется важным ввиду того, что термин абессив получил широкое распространение в работах по финно-угорским языкам, к которым относится рассматриваемый нами хантыйский. В целом же подробный и обстоятельный разбор существующих определений каритива представлен в статье [Оскольская и др. 2020].

Эта статья является частью проекта «Грамматическая периферия в языках мира: типологическое исследование каритивов», о котором следует сказать чуть подробнее. Участники проекта отстраняются от ранее использовавшихся подходов, согласно которым каритив определялся как отрицание комитатива или посессива; вместо этого каритив

наделяется ими самостоятельной функцией — он модифицирует ситуацию или ее участника семантикой отсутствия (или невовлеченности) у них некоего другого ожидаемого участника. Такой подход позволяет исключить из рассмотрения некоторые близкие, но не относящиеся к каритиву конструкции (например, отрицания обладания, как в предложении — *У меня нет детей*), не накладывая при этом на каритивную конструкцию какие-либо формальные ограничения (каритивным маркером может быть аффикс, клитика, предлог и т. д.) и допуская к рассмотрению как специализированные, так и неспециализированные каритивные показатели в разных языках мира (специализированным показателем каритива в русском языке, например, являются предлог *без* и приставка *без-/бес-*; в языке без специализированного показателя каритив может выражаться, например, отрицанием комитатива, и предложение *Сын ушел без шапки* будет переводиться на такой язык буквально как *Сын ушел не с шапкой*). С. А. Оскольская и коллеги отбирали в каждом рассматриваемом языке (в общей сложности в выборку попало 100 языков) наиболее специализированные, грамматикализованные и частотные каритивные маркеры. Такой подход позволяет описать формальное разнообразие каритивных показателей и конструкций в языках мира, точнее охарактеризовать семантику таких показателей (в том числе указать, какие не собственно каритивные значения таким показателям свойственно выражать), а также выделить семантические типы участников каритивной конструкции. Тем не менее данное исследование затрагивало прежде всего центральные употребления каритивных маркеров, в то время как за его рамками, как будет показано далее, остались разнообразные конструкции, сформировавшиеся из сочетания каритивных маркеров с другими лексическими единицами.

3. Постановка задачи

Функционирование каритивных показателей, как показано для русского языка в работе (Христосова 2021), может выходить за рамки простого маркирования отсутствующего участника и участвовать

в формировании новых конструкций, таких как, например, X-ном *остаться* {infl} без Y-gen. В этой конструкции глагол *остаться* внешне ничем не отличается от других его употреблений, но претерпеет как минимум одно важное изменение. В сочетании с каритивной группой он обозначает не сохранение исходного состояния, как в *остался дома* или *остался холостым*, а вхождение в новое состояние, что в сочетании с каритивной группой дает новый смысл утраты, ср. *Петя остался без работы* как примерный эквивалент *Петя потерял работу*. Помимо утраты, конструкции похожего вида с каритивной группой встречаются в значении уступки, как в *Маша обошлась без электричества*, избегания, как в *Мероприятие прошло без эксцессов*, и состояния необладания, как в *Мы сидим без горячей воды*. Некомпозициональность таких сочетаний каритивной группы с глаголом делает их интересным объектом для типологического исследования как в плане синхронного устройства, так и с точки зрения диахронической эволюции. С одной стороны, такого рода единицы можно изучать с позиций лексической семантики, определяя постоянные и переменные аспекты значения и устанавливая модели полисемии. В то же время разнообразный и часто нестандартный морфологический состав этих единиц по сравнению с простыми переходными глаголами, вроде того же *потерять*, побуждает учитывать также их морфологические и морфосинтаксические свойства, что традиционно находится в ведении грамматической типологии. Необходимость изучения взаимосвязи первого и второго и обусловлен наш выбор Грамматики конструкций как описательной модели.

Исследование представляет собой анализ глагольно-каритивных конструкций в шести языках: русском, французском, испанском, норвежском, английском, хантыйском. Глагольно-каритивные конструкции, фиксируемые в каждом языке, сопоставляются между собой в рамках одного языка и между языками. Кроме того, данные конструкции сопоставляются с синонимичными конструкциями без специальных каритивных показателей, выражающими аналогичные значения. Основным материалом для исследования послужили данные опросов носителей при помощи Google Forms, но также используются данные доступных корпусов и онлайн-переводчика Reverso

Context, а для хантыйского — полевые данные опроса носителей в с. Казым ХМАО в 2021 г.

Основные вопросы исследования можно сформулировать следующим образом:

- Какой набор значений выражают глагольно-каритивные конструкции?
- К каким лексическим источникам они восходят?
- В какой дистрибуции находятся непереходные конструкции с каритивными маркерами и синонимичные им переходные конструкции?
- Как варьируется их морфологический облик и кодирование участников?

В качестве теоретической базы мы опираемся на фреймовый подход Московской лексико-типологической группы [Рахилина, Резникова 2013], применяемый в исследованиях по лексической семантике. В рамках данного подхода квазисинонимичные лексические единицы сопоставляются между собой внутри одного языка и типологически, на основе такого сопоставления выделяются фреймы, или типовые ситуации, в которых они используются. Составленная по итогам такого сопоставления типологическая анкета позволяет установить семантический потенциал каждой исследуемой единицы.

Синхронное сопоставление конструкций представлено в терминах морфосинтаксической типологии. Основное внимание уделено сопоставлению переходных и непереходных конструкций, набору их семантических ролей и их морфологическому кодированию посредством падежей и предлогов или послелогов, а также маркированным диатезам глагола. Основу диахронического описания составляет Теория грамматикализации, в частности, работы Б. Хейне, Т. Кутевой и коллег [Heine, Kuteva 2002; Kuteva et al. 2019], в которых суммируются и обсуждаются основные пути развития лексических значений в грамматические и дальнейшая эволюция грамматических значений. Запись конструкций дана в стандартной для Грамматики конструкций нотации с латинскими буквами X, Y, Z для слотов конструкции и приводимыми полностью якорными элементами. Формы

слотов даны в глоссированном виде через дефис, формы якорных¹ элементов приводятся в фигурных скобках, глаголы даны в словарной форме (как правило, в инфинитиве), за которой следует словоизменительная морфология, обозначенная как {infl}, фиксированные словоформы записываются полностью.

Следующий раздел посвящен описанию выявленных нами глагольно-каритивных конструкций, которые образуют три семантических домена, а именно домен утраты/необладания (4.1), уступки (4.2) и избегания (4.3). В каждом домене выделяется ряд типовых ситуаций, или фреймов, со своим характером протекания события и набором участников. Далее мы представим инвентарь конструкций каждого из доменов и входящих в него фреймов и обсудим основные их особенности, после чего в *Разделе 5* подведем итоги исследования.

4. Обзор глагольно-каритивных конструкций

4.1. Домен утраты/необладания

Домен утраты/необладания представляет собой наиболее богатый и разнообразный семантический домен, который обслуживают глагольно-каритивные конструкции. Разнообразие проявляется как в количестве выделяемых фреймов, так и в формальном облике конструкций с различиями в переходности, прямом и косвенном (каритивном и некаритивном) кодировании субъекта и объекта утраты и семантической роли субъекта утраты. В онлайн-ресурсе «Фреймнет»² выделяется два релевантных фрейма: *Losing* и *Losing_track_of*. На основе сопоставления контекстов обсуждаемых конструкций мы выделили всего восемь фреймов: утрата контроля, утрата обладания, обнаружение утраты, утрата потенциального обладания, необладание,

¹ Имеются в виду постоянные элементы конструкции, противопоставленные переменным — слотам.

² База данных «Фреймнет», URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/>.

взаимодействие, утрата сущности и утрата свойства. Рассмотрим в отдельности каждый из фреймов.

Прототипической для утраты следует, по всей очевидности, считать переходную ситуацию, в которой первый участник с ролью агенса теряет второго участника с ролью темы. Соответствующий фрейм мы назовем фреймом **утраты контроля**. Данный фрейм описывает ситуацию, в которой участник X не контролирует присутствие участника Y, в результате чего второй участник больше не обнаруживается в ожидаемой участником X локации. Во «Фреймнете» этому фрейму соответствует фрейм *Losing_track_of* с участниками наблюдатель и тема и соответствующими вариантами *Losing_track_of_perceiver* и *Losing_track_of_theme*, различающимися перспективой, ср. *The burglar lost the police as the thief turned the corner* ‘Грабитель потерял из виду полицию, когда повернул за угол’ и *The police lost the burglar as the thief turned the corner* ‘Полиция потеряла из виду грабителя, когда тот повернул за угол’. Дефолтной для данного фрейма является переходная конструкция, в которой первый участник X — переходный субъект с семантической ролью (ненамеренного) агенса потери, а второй участник Y — прямой объект с ролью темы. Этой модели соответствуют конструкции X *perdre*{infl} Y во французском, X *perder*{infl} Y в испанском, X *lose*{infl} Y в английском, X *miste*{infl} Y в норвежском, X Y *wətši*{infl} в хантыйском и X-*nom* *потерять*{infl} Y-*acc* в русском языке, ср. примеры (1), (2) ниже. Стоит также отметить, что для русской, французской и английской конструкций в контексте одушевленного утрачиваемого участника, как в (2), возможен и даже более предпочтителен вариант с уточнением *потерял из виду* (аналогично для французского, см. (3)), так как без уточнения и контекстной поддержки предложение может интерпретироваться как утрата по причине смерти участника.

АНГЛИЙСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Петя никак не может найти свои ключи.}

(1) *Peter lost the keys*. ‘Петя потерял ключи’.

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

{Маленький Петя ходит туда-сюда, не видит отца.}

- (2) *pet'a-jen aše-λ wətš-əs*
 Петя-POSS.2SG³ отец-POSS.3SG терять-PST[3SG]

‘Петя потерял своего отца’.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Маленький Петя ходит туда-сюда, не видит отца.}

- (3) *Pierre a perdu son père de vue*
 Пьер AUX.PRS.3SG терять.PFV.PTCP его.М отец от взгляд

‘Пьер потерял из виду своего отца’.

В некоторых языках в дополнение к переходной конструкции также встречается непереходная конструкция, в которой первый участник X — косвенный объект с ролью обладателя, а второй участник Y — субъект с ролью обладаемого. Так, в испанском и в русском языке, помимо переходной конструкции X-nom потерять {infl} Y-acc и X *perder*{infl} Y (4a), имеется непереходная конструкция A X *se le perder*{infl} Y и у X-gen потеряться {infl} Y-nom (4б).

ИСПАНСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

- (4) а. *Pedro ha perdido las llave-s*
 Педро AUX.PRS.3SG терять.PFV.PTCP DEF.F.PL ключ-PL

‘Педро потерял ключи’.

б. А *Pedro se le han perdido*
 к Педро REFL 3SG.OBJ AUX.PRS.3PL терять.PFV.PTCP
las llaves
 DEF.F.PL ключ-PL

‘У Педро потерялись ключи’.

Непереходная конструкция с возвратной залоговой формой глагола в (4б) продвигает обладаемое в позицию подлежащего и понижает исходный субъект в позицию косвенного дополнения, подчеркивая неконтролируемый характер совершаемого действия, подробнее

³ Посессивный показатель второго лица используется в некоторых диалектах севернохантыйского языка в качестве определенного артикля, а также артикля на именах собственных.

о конструкциях ненамеренного агенса см. в [Kittilä 2005]. Агенс в данном случае выступает как внешний посессор утрачиваемого участника, на что указывает, в том числе, его морфологическое кодирование.

Если фрейм утраты контроля описывает обратимую ситуацию, в которой временно теряется доступ первого участника ко второму, но сохраняется и сам второй участник, и его свойства, и посессивное отношение между первым и вторым участником, то фрейм **утраты обладания** описывает ситуацию, в которой участник X утрачивает статус обладателя по отношению к участнику Y. Аналогичный фрейм во «Фреймнете» — Losing, с участниками обладатель и обладаемое. Характерным средством выражения утраты обладания является непреходная конструкция, в которой первый участник X — субъект с ролью обладателя, а второй участник Y — косвенный объект, выраженный каритивной группой, с ролью обладаемого. Каритивный показатель может иметь вид предлога или послелога либо деривационной морфемы, ср. (5) и (6) ниже. Этой модели соответствуют конструкции X-nom остаться {infl} без Y-gen в русском языке (5), X bli {infl} Y-løs в норвежском (6), X se quedar {infl} sin Y в испанском, X se retrouver {infl} sans Y во французском и X Y-ли/Y takli xətsi {infl} в хантыйском. Выбор между каритивным суффиксом *-li* и послелогом *takli* в хантыйской конструкции коррелирует с референтностью участника: послелог сочетается преимущественно с референтными, суффикс — с нереферентными участниками, ср. *xot-li* ‘без дома, бездомный’ и *xot-əl takli* ‘без его дома’ (дом-POSS.3SG без).

{Петя неоднократно нарушал правила трудовой дисциплины, поэтому в итоге его уволили.}

- (5) *Петя остался без работы.*

НОРВЕЖСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Из-за экономического кризиса Пер попал под сокращение.}

- (6) *Per ble arbeid-s-løs*
Пер стать.PST работа-OBL-CAR

‘Пер остался без работы’.

Также во всех языках, кроме хантыйского, утрата обладания может выражаться и стандартной переходной конструкцией: X perdre {infl} Y во французском языке (7), X perder {infl} Y в испанском языке, X lose {infl} Y в английском, X miste {infl} Y в норвежском и X-ном потерять {infl} Y-асс в русском. В переходной конструкции субъект является агенсом, поэтому ситуация представляется в динамическом ракурсе, в то время как субъект непереходной конструкции выступает в роли обладателя, что смещает акцент на результирующее состояние необладания.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Давид грубо нарушил правила, и у него отобрали водительские права.}

- (7) *David a perdu son permis de conduire*
 Давид AUX.PRS.3SG терять.PFV.PTCP его.М разрешение от
 водить.INF

‘Давид лишился водительских прав’.

В хантыйском, ср. (8), использование переходной конструкции возможно, только если утрата произошла по вине субъекта (например, если бы Петю уволили из-за проблем с дисциплиной), что описывается фреймом утраты контроля.

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

{Из-за локдауна музей, где работает Петя, закрылся, и Пете негде работать.}

- (8) *pet'a-jen rəpata-li xǎś-əs / #rəpata-jəl*
 Петя-POSS.2SG работа-CAR остаться-PST[3SG] работа-POSS.3SG
wətš-əs
 терять-PST[3SG]

‘Петя остался без работы’.

В русском также имеется специализированная⁴ квазипереходная конструкция X-ном лишиться {infl} Y-gen, в которой второй участник

⁴ Здесь и далее под специализированной мы будем понимать такую конструкцию, которая ограничена выражением значения данного фрейма.

оформляется не аккузативом, а генитивом, поскольку глагол *лишиться* является декаузативным дериватом от переходного глагола *лишить* и глагольная деривация на *-ся* за редким исключением не позволяет выразить прямое дополнение. В контексте примера (5), таким образом, уместен также вариант *Петя лишился работы*.

По сравнению с фреймом утраты обладания фрейм **обнаружения утраты** представляет собой ситуацию, в которой участник X неожиданно обнаруживает собственную утрату, совмещая роли субъекта утраты и наблюдателя. В этом фрейме переходные конструкции в рассматриваемых языках не используются, что ожидаемо, поскольку обнаружение происходит на результирующей стадии события и динамическая фаза остается за кадром. Вместо этого используется вышеупомянутая непереходная модель с обладателем X в позиции субъекта и обладаемым Y, выраженным каритивной группой. Перечень используемых непереходных конструкций во многом пересекается с конструкциями во фрейме утраты обладания, ср. X-ном остаться {infl} без Y-gen в русском, X se retrouver {infl} sans Y во французском, X se quedar {infl} sin Y в испанском, X Y-ли/Y takli xătši {infl} в хантыйском, ср. употребление последней конструкции в (9) ниже.

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

{В автобусе у Пети украли кошелек, в котором лежали все его деньги.}

- (9) *pet'a-jen wux takli xătš-əs*
Петя-POSS.2SG деньги без остаться-PST[3SG]

‘Петя оказался без денег’.

В норвежском существует специализированная конструкция обнаружения утраты X stå {infl} uten Y, ср.:

НОРВЕЖСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Выйдя из автобуса, Пер обнаружил, что у него нет кошелька.}

- (10) *Per stod uten peng-er*
Пер стоять.PST без деньги-PL.INDEF

‘Пер оказался без денег’.

В русском, помимо контекстного выражения при помощи уже названной выше конструкции, используются также две специализированные конструкции, передающие смысл неожиданного обнаружения: X-ном оказаться {infl} без Y-gen, как в *Петя оказался без денег*, и у X-gen пропасть {infl} Y-ном, как в *У Пети пропал кошелек*, делающие акцент, соответственно, на результирующем состоянии субъекта и на отсутствии в поле зрения утрачиваемого объекта.

Фрейм **утраты потенциального обладания** отличается от утраты обладания тем, что отношение обладания между двумя участниками в относительном будущем является ожидаемым для говорящего, исходя либо из текущего обладания (если речь, например, о доступе к какому-либо ресурсу, вроде горячей воды или электричества), либо из некоторых явных предпосылок. Утрата потенциального обладания акцентирует результирующее состояние и не инициируется агенсом, чем, по-видимому, обусловлено использование, как и в двух предыдущих фреймах, непереходных конструкций с субъектом обладателем X и косвенным каритивным объектом обладаемым Y: X se quedar {infl} sin Y в испанском (11), X-ном остаться {infl} без Y-gen в русском и X Y-*li*/Y *takli* *xätsi* {infl} в хантыйском языке.

ИСПАНСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Петину посылку с книгами потеряли на почте.}

- (11) *Pedro se quedó sin libro-s*
 Педро REFL оставить.PST.3SG без книга-PL
 ‘Педро остался без книг’.

Во французском используются две конструкции: X se retrouver {infl} sans Y и X rester {infl} sans Y, ср. (12) и (13). Первая используется преимущественно с конкретным участником-темой, вторая — с абстрактными участниками.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Телефон Стефана сел, и в нужный момент он не был доступен.}

- (12) *Stéphane est resté /^{??}s’ est*
 Стефан COP.PRS.3SG оставить.PFV.PTCP REFL COP.PRS.3SG

retrouvé *sans* *contact*
 обнаружить.PFV.PTCP без связь

‘Стефан остался без связи’.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Спортсмен финишировал четвертым и не получил медаль.}

- (13) *L'athlète s' est retrouvé* */*est*
 DEF.M.SG REFL COP.PRS.3SG обнаружить.PFV.PTCP COP.PRS.3SG

resté *sans médaille*
 оставить.PFV.PTCP без медаль

‘Спортсмен остался без медали’.

В английском и норвежском также распространена непереходная конструкция с фразовым глаголом: X *end*{infl} *up* without Y и X *ende*{infl} *opp* *uten* Y (14), соответственно.

НОРВЕЖСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Спортсмен финишировал четвертым и не получил медали.}

- (14) *Utøver-en end-te opp uten medalje*
 спортсмен-SG.M.DEF закончить-PST вверх без медаль

‘Спортсмен остался без медали’.

В русском также фиксируется безличная конструкция с дативным оформлением обладателя и генитивным оформлением абсенса — потенциального обладаемого: X-dat не досталось Y-gen, ср.:

{Петя опоздал на ужин, и весь суп был уже съеден.}

- (15) *Пете не досталось супа.*

От утраты потенциального обладания еще на шаг отстоит фрейм **невоздействия**, в котором ожидаемое обладаемое заменяется ожидаемым внешним воздействием или реакцией, а предметное имя, заполняющее слот Y, — нефинитной глагольной формой, описывающей данное событие. Поскольку участник Y заполняет ситуационную валентность, существует две основные стратегии выражения данного фрейма: а) номинализация глагола, описывающего ситуацию воздействия, и б) отрицательное причастие от соответствующего глагола. Первая стратегия проиллюстрирована в (16) конструкциями

X *rester*{infl} sans Y во французском и ее переводом с конструкцией X-nom *остаться*{infl} без Y-gen в русском, ср. также X *be*{infl} *left without* Y в английском.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Ален задал вопрос, но никто не ответил.}

- (16) *La question d' Alain est restée sans*
DEF.F вопрос от Ален COP.PRS.3SG оставить.PFV.PTCP.F без
réponse
ответ

‘Вопрос Алена остался без ответа’.

Вторая стратегия представлена причастными конструкциями X *remain*{infl} un-V-ptcp в английском (17), X *rester*{infl} in-V-ptcp во французском, X *forbli*{infl} u-V-ptcp в норвежском и X-nom *остаться*{infl} ne-V-ptcp в русском, а также деепричастной конструкцией X *än V-man хăsti*{infl} в хантыйском.

АНГЛИЙСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{На последнем совещании в проект решили не вносить никаких изменений.}

- (17) *The project remained unchanged.* ‘Проект остался без изменений’.

Продолжением фрейма утраты обладания также можно считать фреймы утраты сущности и свойства, в которых перестает иметь место не просто отношение обладания, а само существование второго участника или признака, характеризующего первого участника. Фрейм **утраты сущности** вариативен с точки зрения переходности конструкций. Например, в испанском и русском данный фрейм описывается как переходной, так и непереходной конструкцией: X *perder*{infl} Y и X *se quedar*{infl} sin Y в испанском и X-nom *потерять*{infl} Y-acc, X-nom *лишиться*{infl} Y-gen, X-nom *остаться*{infl} без Y-gen в русском, ср. разнообразие возможных средств в русском примере (18).

{Петин отец погиб в автомобильной аварии.}

- (18) *Петя потерял / остался без / лишился отца.*

Во французском языке также используются переходная X *perdre* {infl} Y и непереходная X *se retrouver* {infl} sans Y конструкции, однако последняя имеет более ограниченное использование в контекстах подобных (19), когда субъект неожиданно узнает об уже имеющей место или происходившей ранее ситуации, ср. (20).

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

- (19) *Michel a perdu son père /*
Мишель AUX.PRS.3SG терять.PFV.PTCP его.M отец /
s' est retrouvé sans père
REFL COP.PRS.3SG обнаружить.PFV.PTCP без отец
'Мишель потерял отца'.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

- {Пьер вернулся с войны с тяжелой травмой ноги, ее пришлось ампутировать.}
(20) *Pierre a perdu sa jambe / ??s'*
Пьер AUX.PRS.3SG терять.PFV.PTCP его.F нога / REFL
est retrouvé sans jambe
COP.PRS.3SG обнаружить.PFV.PTCP без нога
'Пьер потерял ногу'.

В норвежском используется исключительно переходная конструкция: X *miste* {infl} Y (21), тогда как в хантыйском, напротив, используется исключительно непереходная конструкция X Y-ли/Y *takli xätsi* {infl} (22).

НОРВЕЖСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

- (21) *Per mist-et / *ble uten far-en i en*
Пер терять.PST стать.PST без отец-SG.M.DEF в INDF.M
bilulykke
автокатастрофа
'Пер потерял отца в автокатастрофе'.

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

- {В Петином доме произошел сильный пожар, и ему теперь негде жить.}

- (22) *pet'a-jen xot-li xǎś-əs* / **xot-əl wətš-əs*
 Петя-ART дом-САР остаться-РСТ[3SG] дом-POSS.3SG терять-РСТ[3SG]
 ‘Петя лишился дома’.

Столь же вариативен и фрейм **утраты свойства**, но в данном случае вариативность частично обусловлена разным набором свойств для одушевленных и неодушевленных участников. Одушевленные участники характеризуются посредством специфического набора свойств, включающего способности, например зрение, ловкость, или ментальные состояния, такие как надежда или уверенность, в то время как для неодушевленных участников более релевантны физические характеристики: цвет, запах, форма. Для полноценной картины употребления конструкций в значении утраты свойства необходим подробный анализ их сочетаемости с разными семантическими классами существительных, что выходит за рамки текущего исследования. Здесь мы для простоты ограничимся примером зрения как свойства одушевленных участников и цвета как свойства неодушевленных.

Переходная конструкция, как правило, доступна как для одушевленного, так и для неодушевленного субъекта, как в случае *X-пом потерять*{infl} *Y-acc* в русском, *X perdre*{infl} *Y* во французском, *X miste*{infl} *Y* в норвежском, *X lose*{infl} *Y* в английском, ср. пример использования в этой функции норвежской конструкции в (23). В русском также имеется специализированная переходная конструкция утраты свойства *X-пом утратить*{infl} *Y-acc*, ср. *Петя утратил надежду*.

- {Пер ослеп после инсульта.}
 НОРВЕЖСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)
 (23) *Per mist-et syn-et*
 Пер терять-РСТ зрение-SG.N.DEF
 ‘Пер потерял зрение’.

В испанском конструкция *X perder*{infl} *Y* в данном фрейме сочетается только с одушевленным субъектом (24), в то время как для неодушевленного субъекта обычно используется

специализированный глагол, лексикализирующий утрату конкретного признака (25). Вопрос о том, насколько это наблюдение применимо к любым признакам, нуждается в дополнительном изучении. Подобные глаголы встречаются и в других языках, ср. *se decolorer* ‘терять цвет’ во французском, *fade* ‘бледнеть’ в английском и *blekne* ‘бледнеть’ в норвежском.

ИСПАНСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

- (24) *Pedro perdió la vista*
 Педро терять.PST.3SG DEF.F зрение
 ‘Педро потерял зрение’.

ИСПАНСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

- (25) *La camisa se decoloró / *perdió su color*
 DEF.F рубашка REFL обесцветить.PST.3SG терять.PST.3SG свой
 цвет
 ‘Рубашка потеряла цвет’.

В хантыйском языке, напротив, переходная конструкция X Y wətš{i}{infl} фиксируется только для неодушевленных субъектов (26), тогда как для одушевленных используется специализированная непереходная конструкция X Y-λi/Y takli pitti{i}{infl}. Буквально пример (27) означает ‘стал без глаза’, но в данной конструкции предметные имена интерпретируются как ассоциированные с ними абстрактные функции, здесь — зрение, ср. также сочетание *кырли pitəs* ‘стал без ноги’, понимаемое как ‘потерял способность ходить’.

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

{Я постирал синюю рубашку с отбеливателем, и она стала светлее.}

- (26) *jernas-em xuras-əλ wətš-əš / *xuras-λi*
 рубашка-POSS.1SG вид-POSS.3SG терять-PST[3SG] вид-CAR
pit-əš
 остаться-PST[3SG]
 ‘Рубашка потеряла цвет (букв.: вид)’.

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

- (27) *pet'a-jen sem-li pit-əs* / **sem-əl*
 ПЕТЯ-АРТ ГЛАЗ-САР ОСТАТЬСЯ-РСТ[3SG] / ГЛАЗ-ПОСС.3SG

wətš-əs

ТЕРЯТЬ-РСТ[3SG]

‘Петя потерял зрение (букв.: глаз)’.

Наконец, в русском, наряду с вышеупомянутыми переходными конструкциями, при одушевленном субъекте может использоваться квазипереходная конструкция X-*nom* лишиться {*infl*} Y-*gen*, ср. *Петя лишился зрения*.

Фрейм **необладания** описывает стативную ситуацию, в которой участник X вопреки условной норме или ожиданиям продолжает не обладать участником Y. В испанском, французском, русском и хантыйском языках для выражения данного фрейма контекстно используются непереходные глагольные конструкции утраты X *se quedar* {*infl*} *sin* Y (28), X *rester* {*infl*} *sans* Y, X-*nom* *остаться* {*infl*} без Y-*gen* и X Y-*li*/Y *takli xätsi* {*infl*}, соответственно.

ИСПАНСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Педро уже второй день забывает купить молоко.}

- (28) *Pedro se ha quedado sin leche*
 Педро REFL AUX.PRS.3SG оставить.PFV.PTCP без молоко

‘Педро остался без молока’.

В русском языке имеется специализированная конструкция X-*nom* сидеть {*infl*} без Y-*gen*, ср. *Петя сидит без молока*. Кроме того, в русском, а также в норвежском для выражения этой функции возможно использование каритивной группы с копулой (29), ср. *Маша без телефона*.

НОРВЕЖСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{В школе на неделю отключили горячую воду.}

- (29) *Skol-en er uten vann*
 школа-SG.M.DEF COP.PRS без вода

‘Школа без горячей воды’.

В испанском также имеется конструкция состояния необладания (30) с обязательным указанием на длительность этого состояния до текущего момента (от точки отсчета).

ИСПАНСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

- (30) *Pedro lleva dos mes-es sin trabajo*
 Педро вести.PRS.3SG два месяц-PL без работа
 ‘Педро два месяца сидит без работы’.

4.2. Домены уступки и избегания

Домен уступки связан с идеей неожиданности некоторой ситуации, происходящей на фоне другой ситуации, поэтому прототипически выражается полипредикативными конструкциями, как в предложениях *Вася пришел, хотя его не звали* или *Сильно хромая, Петя все же сумел дойти до дома*. Такого рода конструкции достаточно подробно изучены, ср. [Haspelmath, König 1998; Crevels 2000], а также полипредикативный фрейм *Concessive* во «Фреймнете». Сюда же относятся некоторые стандартные для каритивных показателей контексты, вроде *Петя забил гвоздь без молотка*, в которых каритивная группа по смыслу эквивалентна отрицательной уступительной клаузе, ср. *Петя забил гвоздь, хотя у него не было молотка*. Существенно, что в интересующих нас глагольно-каритивных конструкциях основная ситуация (в примере выше — *Петя забил гвоздь*) остается не эксплицированной. Фреймов, соответствующих такого рода уступке, насчитывается три: активная, пассивная уступка и резистентность. Рассмотрим их по порядку.

Фрейм **активной уступки** описывает ситуацию, в которой участник X успешно выполняет некоторое контекстно заданное действие в отсутствие необходимого участника Y. Для выражения данного фрейма используются непереходные конструкции с косвенным объектом Y, ср. X-nom обойтись{infl} без Y-gen и X-nom справиться{infl} без Y-gen в русском (31), X se débrouiller{infl} sans Y во французском (32), X klare{infl} seg uten Y (33) и X greie{infl} seg uten

У в норвежском, X do{infl} without Y в английском. В хантыйском данная функция выражается сочетанием каритивной группы с полнзначным глаголом, эксплицитно выражающим успешно выполняемое действие, как в (32) ниже.

{У Пети не было под рукой словаря, но он все равно смог сделать задание.}

(31) *Петя обошелся / справился без словаря.*

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

{Петя не взял нож в поход, поэтому ел хлеб и колбасу отдельно.}

(32) *pet'aj-en keši-li náń-əl šńkət-s-əłle*
Петя-POSS.2SG нож-CAR хлеб-POSS.3SG ломать-PST-3SG>SG

‘Петя разделил хлеб без ножа’.

Поскольку речь идет об однократном основном событии разделения хлеба и колбасы на части, которое остается имплицитным, для данного фрейма типичен перфективный видовой ракурс, как в этом примере и других примерах ниже, хотя имперфективный также возможен, ср. *Петя в эту минуту справляется без словаря* или *Петя каждый раз справлялся без словаря*.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Анна не взяла нож в поход, поэтому ела хлеб и колбасу отдельно.}

(33) *Anna s' est débrouillée sans couteau*
Анна REFL COP.PRS.3SG распутать.PFV.PTCP.F без нож

‘Анна обошлась без ножа’.

НОРВЕЖСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Друзья не захотели помогать Перу, но Пер смог все сделать сам.}

(34) *Per klar-te seg uten hjelp fra venn-ene*
Пер справиться-PST REFL без помощь от друг-PL.DEF
sine
свой.PL

‘Пер справился без помощи друзей’.

Примечательно, что, если уступка подразумевает отсутствие одушевленного участника, как в примере (34) и в (36) ниже, второй слот конструкции часто, хотя и не обязательно заполняется не напрямую таким участником, а неодушевленным отглагольным существительным со значением помощи, вмешательства, участия со стороны этого лица.

Отдельного упоминания заслуживает французская непереходная конструкция *X se passer*{infl} *de Y* (35), в которой вместо каритивного предлога употребляется пространственный предлог *de* ‘из, от’.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

- (35) *Pierre s' est passé de dictionnaire*
 Пьер REFL COP.PRS.3SG пройти.PFV.PTCP от словарь

‘Петя справился без словаря’.

Примечательна своей идиоматичностью конструкция *X se las arreglar*{infl} *sin Y* в испанском (36), в составе которой присутствует застывшая прономинальная форма третьего лица множественного числа *las*, не реферирующая к какому-либо конкретному участнику.

ИСПАНСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

- (36) *Pedro se las arregló sin la ayuda de sus amigos*
 Педро REFL 3PL.OBJ упорядочить.PST.3SG без DEF.F помощь
 от его.PL друг-PL

‘Педро обошелся без помощи друзей’.

Фрейм **пассивной уступки** описывает ситуацию, в которой участник *X* не выполняет какого-либо одного конкретного действия, как при активной уступке, но в целом не испытывает серьезных трудностей в отсутствие необходимого участника *Y*. Перечень конструкций, используемых в этой функции, во многом пересекается с конструкциями активной уступки: *X se passer*{infl} *de Y* во французском (37), *X do*{infl} *without Y* в английском (38), *X-nom обойтись*{infl} *без Y-gen* в русском, *X klare*{infl} *seg uten Y* и *X greie*{infl} *seg uten Y* в норвежском и *X se las arreglar*{infl} *sin Y* в испанском. Однако в сравнении с активной уступкой фрейм пассивной уступки

описывает не выполнение одного индивидуального действия, а общее положение дел, поэтому для этого фрейма более типично использование тех же конструкций в имперфективном ракурсе.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{В студенческие годы Мари часто не ложилась спать по ночам.}

- (37) *Marie se passait de sommeil*

Мари REFL пройти.IPF.3SG от сон

‘Мари обходилась без сна’.

АНГЛИЙСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Обычно Петя берет в помощники Васю, но сейчас Вася занят, и Пете приходится работать в одиночку.}

- (38) *Today Peter does without Vasya.* ‘Сегодня Петя обходится без Васи’.

Вместе с тем в этой функции также фиксируются непереходные каритивные конструкции, для которых имперфективный ракурс является единственно возможным, ср. X get {infl} by without Y в английском (39), X kunne {infl} leve uten Y в норвежском, X Y-ли/Y takli wølti sír {poss} wølti {infl}, ср. (40), X Y-ли/Y takli wølti pís {poss} wølti {infl} и X Y-ли/Y takli weritti {infl} Vinf в хантыйском.

АНГЛИЙСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Петя ищет работу, и ему приходится занимать деньги у родственников}

- (39) *Peter gets by without work.* ‘Петя обходится без работы’.

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

{У Пети сломался дизельный генератор, и он топит печь и зажигает свечи.}

- (40) *pet'a-jen tut takli wøł-ti sir-əł*

Петя-POSS.2SG огонь без быть-NFIN.NPST образ-POSS.3SG

wøł

быть:NPST[3SG]

‘Петя обходится без электричества’.

Отсутствие у данных конструкций перфективного ракурса и интерпретации активной уступки можно видеть на примере контекста в (41), в котором хантыйская конструкция X Y-ли/Y takli wəlti sír{poss} wəlti{infl} признается неуместной.

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

{У Пети не было под рукой словаря, но он все равно смог сделать задание.}

- (40) #pet'a-jen kiniška-li wənəlt-ijəł-ti
Петя-POSS.2SG книга-CAR учить-DETR-NFIN.NPST

sir-əł wə-s
образ-POSS.3SG быть:PST[3SG]

Ожид.: 'Петя справился без словаря'.

Кроме того, пассивная уступка может выражаться конструкциями с эксплицитованным модальным компонентом и десемантизированным лексическим глаголом 'жить' или 'делать', ср. X-ном мочь{infl} жить без Y-gen, X pouvoir{infl} faire sans Y (42) во французском, X can live without Y в английском, X Y-ли/Y takli weritəł wəlti.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{У Пети угнали машину, но он без проблем ходит везде пешком, даже на работу, хотя это занимает больше получаса.}

- (42) Pierre peut faire sans voiture
Пьер мочь.PRS.3SG делать.INF без машина

'Пьер может жить без машины'.

Фрейм **резистентности** описывает ситуацию, в которой участник X поддерживает существование в отсутствие критически необходимого участника Y, в частных случаях эта ситуация продолжается в течение периода Z. Как и в предыдущих случаях, фрейм выражается непереходными конструкциями с Y в роли косвенного объекта. Чаще всего для передачи этой идеи используются специализированные конструкции: X last{infl} (Z) without Y в английском (43), X Y-ли/Y takli pakti{infl} (Vinf) в хантыйском (44), X-ном продержаться{infl} Z-acc без Y-gen и X-ном протянуть{infl} Z-acc без Y-gen в русском, X tendre{infl} sans Y во французском и X kunne{infl} holde ut uten Y (i Z) в норвежском.

АНГЛИЙСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Петя долго тренировался нырять под воду и задерживать дыхание, и сейчас он смог не дышать три минуты.}

(43) *Peter lasted three minutes without air.*

‘Петя продержался три минуты без воздуха’.

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

{Пете нужно было проехать за рулем тысячу километров за сутки, поэтому он не спал.}

(44) *pet'a-jen atəλ pa xətəλ oləm-li pak-əs*

Петя-POSS.2SG ночь ADD день сон-CAR терпеть-PST[3SG]

‘Петя продержался сутки без сна’.

Однако также встречается и контекстное использование полисемичных конструкций, ср. X se passer {infl} de Y во французском (45), X-nom мочь {infl} прожить Z-acc без Y-gen в русском, X klare {infl} seg uten Y, X greie {infl} seg uten Y, X kunne {infl} leve uten Y в норвежском, X can do without Y.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{В критических условиях человек может ограниченное время прожить, не принимая пищу.}

(45) *Une personne se passe de nourriture*

INDEF человек REFL пройти.PRS.3SG от еда

pendant plusieurs jours

в.течение некоторый.PL день.PL

‘Человек может прожить несколько дней без еды’.

Смежным с доменом уступки является домен избегания, который также связан с идеей неожиданности одной ситуации или ее отсутствия по отношению к другой или к контексту, однако в данном случае речь идет об отсутствии не необходимой ситуации, а, напротив, нежелательной. Материал рассматриваемых языков позволяет выделить всего три фрейма: агентивное избегание, пассивное избегание и отсутствие помех.

Так, фрейм **агентивного избегания** описывает ситуацию, в которой участник X активно препятствует возникновению нежелательной

ситуации Y. Это единственный из трех фреймов, представленный во «Фреймнете» под названием Avoiding. Существенно, что нежелательная ситуация может быть не только внешней, но и со стороны другого участника или со стороны самого X-а. Данный фрейм обуславливается переходными конструкциями, ср. X-nom избежать {infl} Y-gen в русском, X éviter {infl} Y во французском (46), X avoid {infl} Y в английском, X evitar {infl} Y в испанском и X unngå {infl} Y в норвежском.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Мари переночевала у друзей, потому что не хотела разговаривать с отцом.}

- (46) *Marie a évité de parler*
 Мари AUX.PRS.3SG избежать.PFV.PTCP от говорить.INF
à son père
 к его.М отец

‘Мари избежала разговора с отцом’.

Фрейм **пассивного избегания** описывает ситуацию, в которой деятельность X-а не осложняется воздействием ожидаемой нежелательной ситуации Y. Фрейм выражается непереходной конструкцией с косвенным объектом, ср. X-nom обойтись {infl} без Y-gen и X foregå {infl} uten Y в норвежском (47); возможны также безличные непереходные конструкции, ср. обошлось без Y-gen в русском и sans faire de Y во французском, в которых участник X остается невыраженным.

НОРВЕЖСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Пер и Мари спокойно поговорили, не устраивая скандала.}

- (47) *Det foregikk uten bråk*
 оно пройти.PST без скандал

‘Обошлось без скандала’.

Фрейм **отсутствия помех** описывает ситуацию, в которой фоновая ситуация X не осложняется воздействием ожидавшейся нежелательной ситуации Y; отличие данного фрейма от предыдущего в том, что в роли X-а выступает не одушевленный субъект, а некое событие, мероприятие, процесс. Как и предыдущий, этот фрейм выражается

непереходными конструкциями с косвенным дополнением, ср. X *forløpe* {infl} *uten* Y в норвежском (48), X-ном обойтись {infl} без Y-gen и X-ном пройти {infl} без Y-gen в русском.

НОРВЕЖСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Все участники опасной экспедиции остались здоровы, никто не погиб.}

- (48) *Ekspedisjon-en forløp uten tap*
экспедиция-SG.N.DEF пройти[PST] без потеря[PL.INDEF]

‘Экспедиция прошла без потерь’.

В испанском языке также обнаруживаются непереходные конструкции с местоимением *todo* ‘все’ в анафорической функции — *Todo se llevo a cabo sin* Y (букв.: все было доведено до конца без Y), ср. (49), и *Todo se solucionó sin* Y (букв.: все решилось без Y).

ИСПАНСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Мероприятие прошло согласно плану, никаких неожиданностей не было.}

- (49) *Todo se llevó a cabo sin contratiempo-s*
все REFL нести.PST.3SG к мыс без неожиданность-PL

‘Обошлось без сюрпризов’.

В хантыйском языке каких-либо конструкционных или лексических средств выражения семантики избегания не фиксируется. Смысл избегания передается имплицитно либо простым отрицанием полнозначного глагола, либо конструкцией с полнозначным глаголом и каритивной группой.

Как можно было увидеть из анализа, глагольно-каритивные конструкции неодинаковы по объему значений, которые они выражают. Часть из них специализирована на выражении одной функции, другая часть полисемична, выражая несколько функций, и набор и объем значений таких конструкций варьируются по языкам. В следующем разделе мы рассмотрим полисемию обсуждаемых конструкций, сопоставим между собой их лексические источники и морфосинтаксические свойства. На основе совмещаемых конструкциями функций мы представим модели концептуального пространства

глагольно-карикативных конструкций, выполненные по методу семантических карт, см., например, [Croft 2001].

5. Типологические обобщения

5.1. Полисемия и лексические источники конструкций утраты / необладания

Сопоставление конструкций по совмещаемым ими семантическим функциям в домене утраты / необладания дает нам семантическую карту, представленную на рисунках ниже. По совмещаемым функциям в этом домене можно выделить два кластера: агентивный (*Рис. 1*) и посессивный (*Рис. 2*). В агентивный кластер входят конструкции, следующие простой переходной агентивно-пациентивной модели, а именно $X \text{ perdre}\{\text{infl}\} Y$ во французском, $X \text{ perder}\{\text{infl}\} Y$ в испанском, $X \text{ miste}\{\text{infl}\} Y$ в норвежском, $X\text{-nom}$ потерять $\{\text{infl}\} Y\text{-acc}$ в русском, $X \text{ lose}\{\text{infl}\} Y$ в английском и $X Y \text{ wətši}\{\text{infl}\}$ в хантыйском. Обладатель в этих конструкциях концептуализуется как агенс потери, ответственный за утрату второго участника, хотя и не действующий намеренно. Большинство переходных конструкций этого кластера являются доминантными, выражающими максимальный для данного кластера набор значений: утрату обладания, утрату контроля, утрату сущности и утрату свойства. Отклоняется от модели хантыйская конструкция $X Y \text{ wətši}\{\text{infl}\}$, выражающая только функции утраты контроля и утраты свойства. Кроме того, в русском и хантыйском языках есть специализированная переходная конструкция утраты свойства: $X \text{ утратить}\{\text{infl}\} Y$ и $X Y\text{-}\lambda i/Y \text{ tak}\lambda i \text{ pitti}\{\text{infl}\}$. Наконец, в русском и испанском есть непереходные конструкции с рефлексивным дери́ватом от переходного глагола потери, выражающие утрату контроля с пониженной степенью агентивности: у $X\text{-gen}$ потерялся $Y\text{-nom}$ и а $X \text{ se le perder}\{\text{infl}\} Y$. Сосуществование в одном языке доминантной и специализированных стратегий следует общему тренду, отмеченному в лексической типологии, например [Рахилина и др. 2020].

Рис. 1. Семантическая карта домена утраты / необладания, агентивный кластер
 Fig. 1. Semantic map of the loss and non-possession domain, agentive cluster

В посессивный кластер, в свою очередь, входят непереходные конструкции с субъектом обладателем, в которых обладаемое оформляется грамматически периферийными средствами, чаще всего показателями каритива, а именно: *X-nom остаться{infl}* без *Y-gen* в русском, *X se quedar{infl} sin Y* в испанском, *X se retrouver{infl} sans Y* и *X rester{infl} sans Y* во французском, *X stâ{infl} uten Y* и *X bli{infl} Y-løs* в норвежском, *X Y-ли/Y takli xətsi{infl}* в хантыйском. В отличие от конструкций агентивного кластера здесь обладатель концептуализируется как пациентивный субъект, затронутый событием, но сам не инициирующий событие утраты и не ответственный за это событие. Наиболее распространенной в этом кластере является доминантная модель, которая представлена конструкциями *X se quedar{infl} sin Y*, *X-nom остаться{infl}* без *Y-gen* и *X Y-ли/Y takli xətsi{infl}* и состоит из шести функций: утрата обладания, утрата сущности, обнаружение утраты, утрата потенциального обладания, необладание и невзаимодействие. В последней из шести функций конструкция имеет глагольное зависимое, что отражается в выборе альтернативного средства его кодирования, поэтому может с равным успехом рассматриваться как отдельная конструкция, но мы предпочитаем на основе общности якорного глагольного компонента все же объединить это употребление со всеми остальными. Любопытная ситуация наблюдается во французском языке: конструкции *X se retrouver{infl} sans Y* и *X rester{infl} sans Y* делят между собой функции посессивного кластера таким

образом, что первая выражает преимущественно утрату референтных, предметных и/или конкретных сущностей, а именно функции утраты обладания, утраты сущности и обнаружение утраты, в то время как вторая в большей степени ориентирована на нереферентные, глагольные и/или абстрактные сущности, а именно функции необладания и невзаимодействия. Функция потенциального обладания при этом может выражаться обеими конструкциями. В русском языке, параллельно с доминантной конструкцией X-nom остаться {infl} без Y-gen, есть также ряд специализированных конструкций: X-nom оказаться {infl} без Y-gen и у X-gen пропасть {infl} Y-nom с функцией обнаружения утраты, X-dat не досталось Y-gen с функцией утраты потенциального обладания, X-nom сидеть {infl} без Y-gen и X-nom (быть {infl}) без Y-gen с функцией необладания. В норвежском и английском языках доминантная конструкция в посессивном кластере отсутствует. В норвежском имеются специализированные конструкции утраты обладания, X bli {infl} Y-løs, обнаружения утраты, X stå {infl} uten Y, утраты потенциального обладания, X ende {infl} opp uten Y, необладания, X være {infl} uten Y, и невзаимодействия, X forbli {infl} u-V. В английском фиксируются отдельные конструкции для функций утраты потенциального обладания X end {infl} up without Y и невзаимодействия, X remain {infl} un-V. Промежуточное положение занимает русская конструкция X-nom лишиться {infl} Y-gen, совмещающая функции утраты обладания, сущности и свойства. Она выражает три из четырех функций агентивного кластера, но не выражает ключевой для этого кластера функции утраты контроля и морфосинтаксически ближе к конструкциям посессивного кластера в силу своей непереходности и выражения обладателя в позиции подлежащего.

Ситуация с лексическими источниками различается в агентивном и посессивном кластерах. Агентивный кластер прозрачен с точки зрения источников конструкций, поскольку семантика утраты передается напрямую лексическим значением используемого глагола⁵. В свою очередь, в посессивном кластере конструкции задействуют глагольные

⁵ Примечателен разве что случай двух переходных глаголов утраты в русском языке, *потерять* и *утратить*, которые восходят к одному и тому же

Рис. 2. Семантическая карта домена утраты / необладания, possessивный кластер

Fig. 2. Semantic map of the loss and non-possession domain, possessive cluster

лексемы, выражающие значения, изначально не связанные с утратой и необладанием. Наиболее широкую группу составляют глагольные основы в составе конструкций, диахронически связанные с глаголами позиции. В частности, в ряде конструкций глагольный компонент исходно выражает значение ‘стоять’ или ‘становиться’, ср. X-nom *остаться*{infl} без Y-gen, X-nom *остаться*{infl} не-V-ptcr и X-dat не досталось Y-gen в русском, X *rester*{infl} sans Y, X *rester*{infl} in-V во французском, X *stå*{infl} uten Y в норвежском. В русской конструкции X-nom *сидеть*{infl} без Y-gen в неизменном виде используется глагол ‘сидеть’. Другие конструкции, такие как X *ble*⁶ Y-lø̆s и X *forble* u-V в норвежском и X *remained* un-V⁷ в английском, имеют в основе глагол, обозначающий сохранение исходного состояния покоя. К этой же

этимологическому источнику — общеславянскому *terjati* ‘губить, разорять’ (Этимологический словарь М. Фасмера).

⁶ *Bli* ‘стать, остаться’ происходит от средненижнегерманского *bliven* ‘остаться’ (онлайн-словарь норвежского языка Ordbokene).

⁷ *Remain* из англо-нормандского *remaindre*, восходит к лат. *remanēre* с тем же значением (онлайн-словарь английского языка Merriam-Webster).

группе можно отнести глагол *quedarse* в испанской конструкции X se quedar⁸ {infl} sin Y и хăšti в хантыйской X Y-ли/Y takli хăšti {infl}, передающие каузированное состояние покоя. В первом случае глагол является прозрачным декаузативным дериватом от *quedar* ‘оставить’, во втором — глагол является членом каузативно-декаузативной пары *xăjti* ‘оставить’ ~ *xăšti* ‘остаться’. Две конструкции обнаружения утраты: французская X se retrouver {infl} sans Y и русская X-nom оказаться {infl} без Y-gen закономерно связаны со зрительным восприятием: в основе первой — глагол обнаружения *trouver* ‘находить’, второй — многозначный корень *-каз-*⁹, имеющий отношение к зрительному восприятию и речи. Английская конструкция X end {infl} up without Y и норвежская X ende {infl} opp uten Y имеют в основе фазовый глагол ‘закончить’. Конструкция у X-gen пропасть {infl} Y-nom в русском содержит в основе глагол падения. Глагол в конструкции X-nom лишиться {infl} Y-gen является декаузативным дериватом от глагола каузации прекращения обладания *лишить*¹⁰.

5.2. Полисемия и лексические источники конструкций уступки и избегания

Полисемия конструкций в доменах уступки и избегания позволяет построить семантическую карту, представленную ниже на *Рис. 3*. Максимальная модель полисемии фиксируется у русской конструкции X обойтись {infl} без Y-gen с безличным вариантом обошлось без Y-gen, которая охватывает функции активной, пассивной уступки, пассивного избегания и отсутствия помех. Функции активной, пассивной уступки и резистентности выражаются конструкциями X se passer {infl} de Y во французском, X klare {infl} seg uten Y и X greie {infl} seg uten Y в норвежском. Еще две конструкции, X se las arreglar {infl}

⁸ От позднелатинского *quĕtĕre* ‘успокаивать’ (этимологический онлайн-словарь Diccionario Etimológico Castellano en Línea).

⁹ От ст.-слав. *казати* (Этимологический словарь М. Фасмера).

¹⁰ От ст.-слав. *лишити* (Этимологический словарь М. Фасмера).

sin Y в испанском и X do {infl} without Y в английском совмещают первые две функции. Конструкции X kunne {infl} leve uten Y в норвежском, X-ном мочь {infl} жить без Y-gen в русском и X can live without Y и X do {infl} without Y в английском совмещают функции пассивной уступки и резистентности. Все прочие конструкции относятся к специализированным, в частности, конструкции активной уступки: X-ном справиться {infl} без Y-gen в русском и X se débrouiller {infl} sans Y во французском, конструкции пассивной уступки: X get {infl} by without Y, X pouvoir {infl} faire sans Y во французском, X can live without Y в английском и X Y-ли/Y takli weritaλ, X Y-ли/Y takli wolti sir {poss} wolti {infl} и X Y-ли/Y takli wolti piś {poss} wolti {infl} в хантыйском, и конструкции резистентности: X-ном продержаться {infl} без Y-gen и X-ном протянуть {infl} без Y-gen в русском, X last {infl} (Z) without Y и X can do without Y в английском, X tendre {infl} sans Y во французском и X kunne {infl} holde ut uten Y в норвежском. Активное избегание выражается конструкциями X-ном избежать {infl} Y-gen в русском, X avoid {infl} Y в английском, X eviter {infl} Y во французском, X éviter {infl} Y в испанском, X ungå {infl} Y в норвежском. Для выражения пассивного избегания в норвежском используется конструкция X foregå {infl} uten Y. Ряд конструкций выражают функцию отсутствия помех: X-ном пройти {infl} без Y-gen в русском, X forløpe {infl} uten Y в норвежском, sans faire de Y во французском, todo se llevó a cabo sin Y и todo se solucionó sin Y в испанском.

- (1) X-ном справиться {infl} без Y-gen, X se débrouiller {infl} sans Y, (2) X get {infl} by without Y, X pouvoir {infl} faire sans Y, X can live without Y, X Y-ли/Y takli weritaλ, X Y-ли/Y takli wolti sir {poss} wolti {infl} и X Y-ли/Y takli wolti piś {poss} wolti {infl}, (3) X-ном продержаться {infl} без Y-gen, X-ном протянуть {infl} без Y-gen, X last {infl} (Z) without Y, X can do without Y, X tendre {infl} sans Y, X kunne {infl} holde ut uten Y, (4) X-ном пройти {infl} без Y-gen, X forløpe {infl} uten Y, sans faire de Y, todo se llevó a cabo sin Y, todo se solucionó sin Y, (5) X foregå {infl} uten Y, (6) X-ном избежать {infl} Y-gen, X avoid {infl} Y, X eviter {infl} Y, X éviter {infl} Y, X ungå {infl} Y.

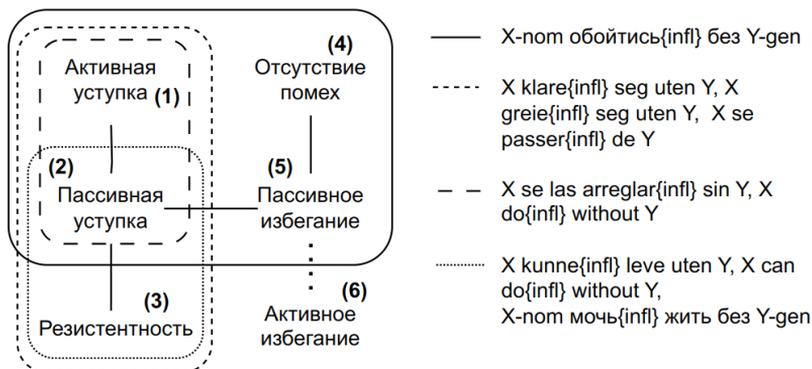

Рис. 3. Семантическая карта доменов уступки и избегания
 Fig. 3. Semantic map of the concession and avoidance domains

Лексические источники уступки и избегания частично пересекаются. Так, для обоих доменов характерны конструкции с глаголами движения, ср. конструкции уступки и избегания *X-nom обойтись{infl} без Y-gen* в русском и *X se passer{infl} de Y* во французском; конструкции только избегания с основой ‘бежать’: *X-nom избежать{infl} Y-gen* в русском и *X forløpe¹¹{infl} uten Y* в норвежском; конструкции только избегания с основой ‘идти’ *X-nom пройти{infl} без Y-gen* в русском, *X ungå{infl} Y* и *X foregå{infl} uten Y* в норвежском. С активной уступкой ассоциированы глаголы, связанные с достижением состояния порядка и ясности, ср. *X se las arreglar{infl} sin Y* в испанском от *arreglar* ‘упорядочивать’, *X se débrouiller{infl} sans Y* во французском от *débrouiller* ‘распутывать’, *X klare{infl} seg uten Y* и *X greie{infl} seg uten Y* в норвежском от *klare¹²* и *greie* ‘про-

¹¹ *Forløp* от древнескандинавского *hlaupa* ‘прыгать, бежать’ (ср. англ. *leap* ‘прыгать’), происходящее, предположительно, от прагерманского **hlaupanan* (онлайн-словарь норвежского языка Ordbokene).

¹² Норвежский глагол *klare* ‘мочь, справляться’ связан с прилагательным *klar* ‘ясный, чистый’, восходящим к древнескандинавскому *klágr* ‘ясный, прозрачный, ясный (о звуке)’ (онлайн-словарь норвежского языка Ordbokene), которое вероятно восходит к латинскому *clarus* ‘ясный’. У глагола *greie* ‘справлять, приводить

яснять' и X-nom справиться {infl} без Y-gen от близкой по значению основы -прав-¹³. Многие из них используются также во фрейме пассивной уступки. Лексическую основу конструкций потенциальной уступки составляют преимущественно глаголы 'мочь' и 'жить', например X-nom мочь {infl} прожить без Y-gen, X-nom мочь {infl} жить без Y-gen, X-nom мочь {infl} прожить без Y-gen, X can live without Y, X kunne {infl} leve uten Y. Хантыйские конструкции X Y-ли/Y takli wəlti śir {poss} wəlti {infl}, X Y-ли/Y takli wəlti piś {poss} wəlti {infl}, переводимые буквально как 'есть возможность быть / жить без Y', содержат модальное слово śir 'возможность', а также piś 'чудо', также используемое в некоторых модальных контекстах. Во фрейме резистентности якорные глаголы чаще всего имеют значение 'хватать, держать': X-nom продержаться {infl} без Y-gen, X kunne {infl} holde ut uten Y. В английском резистентность выражается конструкцией X last {infl} (Z) without Y с глаголом *last*¹⁴ 'длиться', в хантыйском — конструкцией X Y-ли/Y takli pakəł с глаголом *pakti* 'терпеть'. В английском для выражения уступки используются конструкции с глаголом 'делать': X do {infl} without Y и X can do without Y.

5.3. Лексические источники и пути грамматикализации

Набор лексических источников рассматриваемых конструкций по большей части соответствует фиксируемому во Всемирном лексиконе грамматикализации [Heine, Kuteva 2002; Kuteva et al. 2019] общему тренду развития вспомогательных глаголов с прогрессивным или хабитуальным значением из глаголов позиции, изменения

в порядок' также имеется связанное прилагательное *grei* 'дружелюбный, подходящий', оба восходят к древнескандинавскому *greida* 'облегчать, организовывать, причисывать' (онлайн-словарь норвежского языка Ordbokene).

¹³ Вероятно, из *prō-vos от *prō- (ср. пра-), родственного лат. *probus* 'добрый, честный, порядочный' (*prō-bhucos) (Этимологический словарь М. Фасмера).

¹⁴ От древнеанглийского *læstan* 'выдерживать, следовать' и прагерманского **laistjan* 'следовать' (онлайн-словарь английского языка Merriam-Webster).

позиции, движения и некоторых других (ср. семантические переходы *sit, stay, go, remain, live, stand, do, keep* > continuous / progressive / durative, *sit, stay, go, remain, live* > habitual). Главным образом это касается конструкций уступки, избегания и необладания, описывающих непределённые ситуации отсутствия некоторого участника или ситуации. В конструкциях утраты же глаголы изменения позиции используются в предельном акциональном значении и, соответственно, развивают семантику изменения состояния. Глагол ‘жить’ в конструкциях уступки соответствует пути развития в глагол существования (*live* > *exist*), глаголы ‘упасть’, а также ‘пропасть’ как дериват от глагола падения, соответствуют пути развития в изменение состояния (*fall* > *change of state*). Глагол ‘пройти’ в конструкциях избегания в некотором смысле имеет семантику прохождения пути (*pass* > *path*), правда, метафорическую временную, а не пространственную. Применительно к конструкциям избегания уместно говорить о развитии каритивных показателей в показатели отрицания (*lack* > *negation*), поскольку в этих конструкциях характерный для каритивов смысл обладания уже не усматривается. Из не упомянутых во Всемирном лексиконе грамматикализации сценариев развития стоит отметить развитие глагольных значений прекращения и обнаружения в изменение состояния в домене утраты, значений упорядочивания в успешную деятельность и значений манипуляции (‘держат’, ‘хватать’) в резистентность в домене уступки, а также значений движения во вне ориентира и вокруг ориентира в избегание в домене избегания.

Показательным, однако, является то, что, помимо грамматикализации глагольных компонентов, рассматриваемые конструкции развивают собственные значения, не выводимые напрямую из значения частей. Например, в основе конструкций X-ном остаться {infl} без Y-gen в русском, X rester {infl} sans Y во французском, X bli {infl} Y-løs в норвежском и X Y-ли/Y takli xətsi {infl} в хантыйском — глагол сохранения исходного состояния, у которого смысл сохранения утрачивается и остается лишь акцент на итоговом состоянии. А смысл утраты возникает из сочетания глагола с каритивной группой, описывающей отсутствие участника и создающей контраст между итоговым состоянием его отсутствия и имплицитным исходным

состоянием наличия. У конструкций X-nom обойтись {infl} без Y-gen и X-nom пройти {infl} без Y-gen в русском, X foregå {infl} uten Y и X forløpe {infl} uten Y в норвежском и X se passer {infl} de Y во французском глагол движения используется в метафорическом значении успешного или, по крайней мере, не проблематичного завершения некоторой ситуации. Однако сам смысл уступки, а именно что субъект считается с отсутствием необходимой сущности или ситуации, получается уже только из сочетания глагола с каритивной группой. Эти семантические изменения следует рассматривать как примеры конструкционализации в смысле [Traugott, Trousdale 2013] и как подтверждение тезиса [Gildea, Barðdal 2023], что процесс грамматикализации отдельных лексических или грамматических единиц обретает смысл только в контексте конструкций, в которых эти изменения происходят. Стоит, однако, оговориться, что рассматриваемые в этой работе конструкции демонстрируют разную степень идиоматизации, далеко не всегда соответствуя тезису А. Голдберг о невыводимости конструкции из ее частей. На одном полюсе находятся конструкции, подобные испанской X se las arreglar {infl} sin Y, в которой мы видим не только десемантизированный глагол *arreglar* со значением ‘упорядочить’ в рефлексивной форме, но также застывшую прономинальную форму *las*. На другом полюсе, если оставить за скобками лексические средства вроде *потерять* или *избежать*, располагаются конструкции, подобные французской X se retrouver {infl} sans Y (буквально X обнаружил себя без Y) или русской X-nom остаться {infl} не-V-птср и ее аналогов, в которых глагольный компонент практически не десемантизирован и общее значение композиционально выводимо. К промежуточным случаям можно отнести конструкцию X мочь {infl} жить без Y и ее аналоги, единственным частично десемантизированным компонентом которых является глагол ‘жить’. Возникает закономерный вопрос о том, насколько некомпозициональность все же является обязательным свойством конструкции и целесообразно ли рассматривать в ряду конструкций композициональные или частично композициональные сочетания. В рамках данного исследования мы не проводили строгих границ и на текущий момент оставляем этот вопрос открытым.

5.4. Переходность и кодирование участников

Если провести сопоставление между непереходными конструкциями с каритивными маркерами и близкими по значению переходными глаголами, становится очевидно, что первые охватывают функции, при которых посессор отсутствующего или утрачиваемого участника не является в то же время агенсом. Так, конструкции утраты с каритивным показателем не выражают ключевой для переходных конструкций функции утраты контроля, а каритивные конструкции избегания аналогичным образом не выражают агентивного избегания. Это позволяет сделать вывод о том, что глагольно-каритивные конструкции реализуют в языке возможность описать взаимоотношение двух участников, выделяя посессивную связь между ними и не прибегая к переходной модели, подразумевающей прямое взаимодействие. Так, предложение *Петя потерял сумку* без специального контекста интерпретируется как утрата второго участника в результате неосторожных или непродуманных действий со стороны первого, а *Петя остался без сумки*, в котором первый участник по умолчанию не несет ответственности за потерю, — как происходящее скорее по внешним причинам. Кроме того, есть вариант *У Пети потерялась сумка*, в котором выбор глагольной лексики сохраняет смысл прямого взаимодействия, но залоговая форма и предложно-падежное оформление агенса акцентируют ненамеренность события и роль Пети как обладателя, ср. та же предложная группа в конструкции обладания: *У Пети была сумка*. Вместе с тем между доменами утраты / необладания и избегания есть принципиальная разница: событие утраты в отличие от избегания никогда не происходит намеренно. Поэтому фреймы избегания четко дифференцированы: агентивное, намеренное избегание выражается переходной конструкцией, тогда как остальные функции ненамеренного избегания выражаются непереходными. Фреймы утраты же (исключительно ненамеренной) обнаруживают более сложную дистрибуцию и полисемию, часто допуская как переходный, так и непереходный способ выражения в зависимости от того, насколько субъект воспринимается

как ответственный за утрату. Особняком по отношению к доменам утраты / необладания и избегания стоит домен уступки, функции которого выражаются исключительно непереходными конструкциями, поскольку не подразумевают какого-либо прямого или косвенного взаимодействия между двумя участниками. Кроме того, конструкции утраты развивают дополнительные ограничения на переходность. Так, во фрейме утраты свойства переходные конструкции в норвежском и испанском используются только с одушевленным субъектом, а непереходные — с неодушевленным, в хантыйском же ситуация прямо противоположная. Во фрейме утраты сущности в норвежском используется только переходная конструкция и, напротив, только непереходная в хантыйском. Данные факты ставят хантыйский язык в особое положение по сравнению с европейскими языками, однако не позволяют на небольшом текущем материале сделать какие-либо содержательные типологические обобщения.

5.5. Дальнейшие перспективы

Изложенное в этой статье исследование представляет собой лишь первый шаг на пути к полноценному описанию глагольно-каритивных конструкций и оставляет ряд нерешенных вопросов. В частности, пока остается неясным, какая функция для каждой конструкции является центральной, а какие — периферийными, а также какими факторами обусловлен выбор конкретной функции: прагматическими, лексическими или какими-либо еще. Если глагольные компоненты являются десемантизированными и выполняют роль аспектуальной копулы, то какой набор аспектуальных значений они могут выражать и влияет ли конкретное значение на общую интерпретацию, ср., например, разницу между НСВ-вариантом X обошелся без Y и СВ-вариантом X обошелся без Y. Также неясно, насколько десемантизированным является каритивный компонент конструкций, отталкиваясь от трактовки функции каритивного показателя в [Оскольская и др. 2020] как «отсутствие в ситуации второстепенного агенса или объекта обладания главного участника».

Дальнейшие возможные шаги включают расширение типологического материала на языки других семей, а также совершенствование морфосинтаксического и лексико-семантического анализа, в том числе на материале доступных корпусов, а также рассмотрение обсуждаемых единиц в диахронии. Кроме того, перспективным видится, в целом, развитие идеи [Croft 2001] об интеграции конструкционного подхода к морфосинтаксическим явлениям и морфосинтаксической типологии, по большей части изучающей грамматические категории в отрыве от семантики сочетающихся с ними лексем. Такой подход не только эффективно дополнил бы существующие грамматические описания, но и позволил бы включить в рассмотрение довольно обширные классы менее регулярно устроенных языковых единиц.

6. Заключение

В статье на материале шести языков был рассмотрен круг конструкций, описывающих утрату или отсутствие участника, наличие которого является нормальным или ожидаемым, куда относятся, прежде всего, непереходные глагольные конструкции с каритивными показателями, но и другие непереходные конструкции, а также ряд переходных. Было выделено три семантических домена таких конструкций: домен утраты / необладания, который можно подразделить на агентивный и посессивный кластеры, домен уступки и домен избегания. На имеющемся материале было показано, что переходные конструкции акцентируют участие в ситуации агентивного субъекта, тогда как в фокусе непереходных конструкций оказывается отношение обладания между субъектом и отсутствующим участником. В каждом из рассмотренных доменов, по крайней мере в некоторых языках, имеются доминантные конструкции, охватывающие сразу несколько функций, однако большинство конструкций специализированно выражают только одну функцию. Основными лексическими источниками для домена утраты являются глаголы позиции, сохранения позиции или изменения позиции, для домена уступки — глаголы

движения и упорядочивания, для домена избегания — глаголы движения. Многие из источников соответствуют хорошо задокументированным процессам грамматикализации, но в то же время обнаружено несколько новых семантических переходов. Наконец, был подтвержден статус по крайней мере части описываемых единиц как конструкций, имеющих собственное значение, не выводимое напрямую из значения частей.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитив; ART — артикль; AUX — вспомогательный глагол; CAR — каритив; COP — копула; DAT — датив; DEF — определенность; F — женский род; GEN — генитив; INDEF — неопределенность; INF — инфинитив; LOC — локатив; M — мужской род; N — средний род; NFIN — нефинитная форма глагола; neg — отрицание; NOM — номинатив; npst — непрошедшее время; OBJ — объект; OBL — косвенная основа; PF — перфект; PFV — перфектив; POSS — посессив; PTCP — причастие; PTV — партитив; REFL — возвратность; PRS — настоящее время; SG — единственное число; PL — множественное число; PST — прошедшее время.

Литература

- Рахилина (ред.) 2010 — Е. В. Рахилина (отв. ред.). Лингвистика конструкций. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. DOI: 10.4000/res.414.
- Рахилина и др. 2020 — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Д. А. Рыжова. Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Т. XVI. Ч. 1. С. 9–63. DOI: 10.30842/alp2306573716101.
- Рахилина, Резникова 2013 — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова. Фреймовый подход к лексической типологии // *Вопросы языкознания*. 2013. № 2. С. 3–31.
- Оскольская и др. 2020 — С. А. Оскольская, Н. М. Заика, С. Б. Клименко, М. Л. Федотов. Определение каритива как сравнительного понятия // *Вопросы языкознания*. 2020. № 3. С. 7–25. DOI: 10.31857/S0373658X0009370-6.
- Христосова 2021 — К. А. Христосова. Формирование семьи конструкций на примере каритивов: выпускная квалификационная работа. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Crevels 2000 — E. I. Crevels. *Concession. A typological study*. Doctoral thesis. Amsterdam: University of Amsterdam, 2000.

- Croft 2001 — W. Croft. *Radical construction grammar: Syntactic theory in typological perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2001. DOI: 10.1093/oxford-hb/9780195396683.013.0012.
- Fillmore et al. 1988 — C. J. Fillmore, P. Kay, M. C. O'Connor. Regularity and idiomatcity in grammatical constructions: the case of let alone // *Language*. 1988. Vol. 64. № 3. P. 501–538. DOI: 10.2307/414531.
- Goldberg 1995 — A. E. Goldberg. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1995.
- Goldberg 2006 — A. E. Goldberg. *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford: Oxford University Press, 2006. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199268511.001.0001.
- Gries, Stefanowitsch 2004a — S. Th. Gries, A Stefanowitsch. Extending collocation analysis: a corpus-based perspective on ‘alternations’ // *International Journal of Corpus Linguistics*. 2004. Vol. 9. № 1. P. 97–129. DOI: 10.1075/ijcl.9.1.06gri.
- Gries, Stefanowitsch 2004b — S. Th. Gries, A Stefanowitsch. Co-varying collexemes in the into-causative // M. Achard, S. Kemmer (eds.). *Language, Culture, and Mind*. Stanford: CSLI, 2004. P. 225–236. DOI: 10.1075/ijcl.9.1.06gri.
- Gildea, Barðdal 2023 — S. Gildea, J. Barðdal. From grammaticalization to Diachronic Construction Grammar: A natural evolution of the paradigm // *Studies in Language*. 2023. Vol. 47. № 4. P. 743–788. DOI: 10.1075/sl.20079.gil.
- Haspelmath, König 1998 — M. Haspelmath, E. König. Concessive conditionals in the languages of Europe // Van der Auwera (ed.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton, 1998. P. 563–640. DOI: 10.1515/9783110802610.563.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. DOI: 10.1017/s0022226703252063.
- Kuteva et al. 2019 — T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee. *World lexicon of grammaticalization*. 2nd, extensively revised and updated edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. DOI: 10.1017/9781316479704.
- Stefanowitsch, Gries 2003 — A. Stefanowitsch, S. Th. Gries. Collocations: investigating the interaction between words and constructions // *International Journal of Corpus Linguistics*. 2003. Vol. 8. № 2. P. 209–243. DOI: 10.1075/ijcl.8.2.03ste.
- Stefanowitsch, Gries 2005 — A. Stefanowitsch, S. Th. Gries. Covarying collexemes // *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2005. Vol. 1. № 1. P. 1–43. DOI: 10.1515/cllt.2005.1.1.1.
- Traugott, Trousdale 2013 — E. C. Traugott, G. Trousdale. *Constructionalization and Constructional Changes*. Oxford: Oxford University Press, 2013. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199679898.001.0001.

References

- Crevels 2000 — E. I. Crevels. *Concession. A typological study*. Doctoral thesis. Amsterdam: University of Amsterdam, 2000.
- Croft 2001 — W. Croft. *Radical construction grammar: Syntactic theory in typological perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2001. DOI: 10.1093/oxford-hb/9780195396683.013.0012.
- Fillmore et al. 1988 — C. J. Fillmore, P. Kay, M. C. O'Connor. Regularity and idiomatity in grammatical constructions: the case of let alone. *Language*. 1988. Vol. 64. No. 3. P. 501–538. DOI: 10.2307/414531.
- Goldberg 1995 — A. E. Goldberg. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1995.
- Goldberg 2006 — A. E. Goldberg. *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford: Oxford University Press, 2006. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199268511.001.0001.
- Gries, Stefanowitsch 2004 — S. Th. Gries, A Stefanowitsch. Extending collostructional analysis: a corpus-based perspective on ‘alternations’. *International Journal of Corpus Linguistics*. 2004. Vol. 9. No. 1. P. 97–129. DOI: 10.1075/ijcl.9.1.06gri.
- Gries, Stefanowitsch 2004 — S. Th. Gries, A Stefanowitsch. Co-varying collexemes in the intocausative. M. Achard, S. Kemmer (eds.). *Language, Culture, and Mind*. Stanford: CSLI, 2004. P. 225–236. DOI: 10.1075/ijcl.9.1.06gri.
- Gildea, Barðdal 2023 — S. Gildea, J. Barðdal. From grammaticalization to Diachronic Construction Grammar: A natural evolution of the paradigm. *Studies in Language*. 2023. Vol. 47. No. 4. P. 743–788. DOI: 10.1075/sl.20079.gil.
- Haspelmath, König 1998 — M. Haspelmath, E. König. Concessive conditionals in the languages of Europe. Van der Auwera (ed.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton, 1998. P. 563–640. DOI: 10.1515/9783110802610.563.
- Hristosova 2021 — K. A. Hristosova. *Formirovanie semi konstruktivnykh na primere karitivnykh* [Forming of a constructional family, the case of caritives]. Master thesis. Moscow: HSE University, 2021.
- Oskol'skaja et al. 2020 — S. A. Oskol'skaja, N. M. Zaika, S. B. Klimenko, M. L. Fedotov. Opređenje karitiva kak sravnitel'nogo ponyatiya [Defining caritive as a comparative concept]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2020. Vol. 3. P. 7–25. DOI: 10.31857/S0373658X0009370-6.
- Rahilina (ed.) 2010 — E. V. Rahilina (ed.). *Lingvistika konstruktivnykh* [Construction linguistics]. Moscow: Azbukovnik, 2010. DOI: 10.4000/res.414.

- Rahilina et al. 2020 — E. V. Rahilina, T. I. Reznikova, D. A. Ryzhova. Glagoly padeniya v yazykakh mira: freymy, parametry i tipy sistem [Verbs of falling in world languages]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. XVI. Pt. 1. P. 9–63. DOI: 10.30842/alp2306573716101.
- Rahilina, Reznikova 2013 — E. V. Rahilina, T. I. Reznikova. Freymovyy podkhod k leksicheskoy tipologii [Frame approach to lexical typology]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2013. Vol. 2. P. 3–31.
- Stefanowitsch, Gries 2003 — A. Stefanowitsch, S. Th. Gries. Collostructions: investigating the interaction between words and constructions. *International Journal of Corpus Linguistics*. 2003. Vol. 8. No. 2. P. 209–243. DOI: 10.1075/ijcl.8.2.03^{se}.
- Stefanowitsch, Gries 2005 — A. Stefanowitsch, S. Th. Gries. Covarying collexemes. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2005. Vol. 1. No. 1. P. 1–43. DOI: 10.1515/cllt.2005.1.1.1
- Traugott, Trousdale 2013 — E. C. Traugott, G. Trousdale. *Constructionalization and Constructional Changes*. Oxford: Oxford University Press, 2013. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199679898.001.0001.

Получено / received 17.04.2024

Принято / accepted 5.10.2024